

УДК 1(091):108.1

Дружинин В.И.¹

**ПОНИМАНИЕ ЧЕСТИ В ИСТОРИИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ
ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ**

Тульский государственный университет

Druzhinin V.I.

**COMPREHENSION OF HONOR IN HISTORY OF WESTERN EU-
ROPEAN PHILOSOPHY OF CULTURE**

Tula State University

Реферат: Проблема, обсуждаемая в данной статье, касается методологии историзма. Авторское внимание касается такой специфической категории как честь. Она обозначает границу между двумя областями гуманитарных наук: культурфилософией и историей ментальности. По отношению к данным аспектам проблема предоставляет новые методы ее изучения.

Ключевые слова: честь, совесть, метафизика, философия, методология, гуманитарные исследования.

Abstract: The problem discussed in this article is considered from methodology of historicism. The author's attention is focused on such a specific category as. It marks the boarder - line between two branches of humanitarian studies: culture philosophy and a history of mentality. Due to these items the problem presents new methods of its studying.

Keywords: honor, conscience, metaphysics, philosophy, methodology, human studies.

¹ Дружинин Виктор Иванович - кандидат философских наук, доцент кафедры теологии Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета

Честь – категория философии культуры, которая конституирует следующие смысловые референции:

1. обязательность определенного поведенческого стандарта и мотивационного дискурса;

2. безусловную значимость, которую человек приписывает сам себе;

3. безусловное достоинство, которое человеку предписывают другие.

В европейских языках слово «честь» по смыслу связано с понятиями «доблесть», «благородство» (например, французское «noblesse», древнегреческое «τιση»). Исторически это обусловлено приоритетом сословно-классовой детерминации категории «честь». Смысл ее в приписывании статуса чести представителям высшего сословия. Такая связь сословного и ценностного в категории чести приводила к их отождествлению, что позволяло легитимизировать обычаи определенного общественного уклада, закрепив за ними статус, безусловно, должного и морально обоснованного. Представители же низшего сословия как бы автоматически лишались значимости, поэтому объявлялись бесчестным, «подлым», сословием.

Понятие «честь» применительно к его сословной детермина-

ции закреплялось в эталонах определенного поведенческого стандарта, [1, с.110] которые получили название «кодекса чести». Например, кодекс бусидо в японской самурайской традиции, рыцарский кодекс правил поведения и этикета в феодальной Западной Европе и т.д. Кодекс чести закреплялся в культурных традициях того или иного народа. В частности, «Песнь о Роланде», «Легенда о Тристане и Изольде», «Слово о полку Игореве» отражают ментальные представления данных народов о чести.

Рассмотрим пример, характеризующий средневековую ментальность относительно изучаемой нами категории.

Влияние Церкви в Средние века отразилось на обряде посвящения в рыцарство [2, с.87], который санкционировался христианской церковью. «Обряд посвящения совершается в храме при общественной молитве. Старый рыцарь спрашивает нового, с какою целью вступает он в ряды рыцарей, не из выгод ли корыстных и мирских выгод? Если так, он не достоин рыцарства. Очевидно, этот вопрос подсказан феодальному барону церковью. Рыцарь отвечает отрицательно и тогда дает присягу служить леннику, защищать церковь, вдов и сирот и вообще слабых против сильных. Ударом меча по плечу делают посвящаемого рыцарем.

Таким образом, в недрах самого феодализма является как бы реакция против него самого: он основан на утеснении слабых, а юноша, облакаясь в рыцарство, принимает обязанность защищать слабого против сильного» [3, с.255]. Обряд рыцарской инициации автоматически закреплял за рыцарем его достоинство на рыцарское звание, а, следовательно, давал ему право на рыцарскую честь. Рыцарь становился неким эталоном чести, которую обязан быть соблюдать, хранить. Любой представитель рыцарского сословия, который посмел бы усомниться в наличии чести у рыцаря, подлежал отмщению на дуэли. Дуэль играла здесь роль социально-культурного института подтверждения рыцарской чести. Девиантность этой нормы заключалась в ее недопозволенности, но, тем не менее, она была вполне институциональной и общепринятой, о чем свидетельствуют источники [4, с.542].

Воспитанное с детства представление о чести вызывало в Средние века обостренное понимание социальных дистанций. Эти дистанции угадываются с необычайными нюансами: для их выявления в каждой конкретной ситуации индивид использует всю силу своей интуиции, своего опыта, педантично следуя нравственным символам, помогающим ему опре-

делить свое «достойное» место в феодальной иерархии. Правда и неправота определяются, прежде всего, не абстрактными понятиями «добра» или «зла», а соответствием поступков индивида тому переплетению прав и обязанностей, которое вменяется ему согласно его статусу[5, с.81].

Аристократическая трактовка чести в истории новейшей философии защищается Ф. Ницше. Ницше реинтерпретирует принцип индивидуальной чести как проявление торжества индивидуализированной воли к жизни, обосновывает этим право на несправедливость. Честью может обладать лишь тот, кто сумеет ее отстаивать. Такая позиция логически следует из противопоставления «морали господ» по отношению к «морали рабов», которая по Ницше тождественна аморализму, бесчестию[6]. Чести чужд принцип выгоды, пользы. Чувство чести, основанное на готовности к огромной ответственности аристократа - сверхчеловека, противостоит стадной морали, основанной на солидарности, братстве и равноправии. Здесь Ницше затрагивает важную проблему соотношения индивидуального достоинства, основанного на чести, и достоинства, основанного на равенстве (равноправии)[4, с.543]. Равноправие людей при безусловном различии их воли к власти, обусловленной качественным

различием их человеческой природы, по мнению Ницше, ущемляет честь наиболее сильных и одаренных натур.

Определенное созвучие с позицией Ницше прослеживается в трактовке «чести мудреца» в античном стоицизме, неоплатонизме и эпикуреизме. Здесь чести понимается как следование изначальной человеческой природе, отражающей универсальный космический закон (стоицизм), либо как достижение божественного достоинства индивида, путем слияния его души с Абсолютом (неоплатонизм), либо посредством достижения самодостаточности и невозмутимого духа индивидом, то есть автаркии (эпикуреизм).

Иная концептуализация чести представлена в философии культуры Шопенгауэра, который писал: «...честь – это, объективно, мнение других о нашем достоинстве, а субъективно – наш страх перед этим мнением»[7]. Поэтому человек вынужден дорожить этим мнением, которое воспринимается здесь как «защита и помощь соединенных сил всего человечества», позволяющая индивиду умножить собственные силы. Шопенгауэр дифференцирует честь на три вида: гражданская, служебная и «половая». Гражданская честь предполагает, что индивид уважает права другого индивида, которые

гарантированы законом и приняты в обществе пониманием справедливости. Этот принцип накладывает ограничение на выгоду (пользу) отдельного лица. Она не должна быть достигнута несправедливыми средствами. Гражданское понимание чести у Шопенгауэра – противоположность славе: «Славу, поэтому, надо еще сначала приобрести, честь же нужно только не терять. Соответственно тому отсутствие у человека славы, неизвестность есть понятие отрицательное; отсутствие чести будет уже позор...»[7]. Служебная честь определяется как «общее мнение других, что человек, занимающий известную должность, действительно обладает всеми потребными для нее качествами, а также, что он во всех случаях аккуратно исполняет свои служебные обязанности». Этот вид чести актуализируется в титулах, орденах и подчиняющемся поведении. Служебная честь дифференцируется Шопенгауэром следующим образом: честь чиновника, врача, адвоката, солдатская и т. п.

«Половая» честь дифференцируется на мужскую и женскую в работах Шопенгауэра: «женская честь есть общее мнение о девушке, что она не отдавалась ни одному мужчине, а о женщине - что она отдавалась только тому, кто состоит с ней в браке» [7]. В случае, если эта честь нарушена, то, согласно

Шопенгауэру, женский род проявит «партийный дух» - нарушительницу изгонят и подвергнут позору. Мужская честь не позволяет мужчине изменять жене, а также приписывает покарать прелюбодеяние своей жены, что в мировой культуре красноречиво описывается в следующих литературных текстах: Шекспир «Отелло», «Зимняя сказка» и т.д.

Шопенгауэр особо выделяет рыцарскую честь, принципы которой следующие: 1) честь есть некое общепринятое выражение мнения о достоинстве человека, в том случае, если честь выражается иным образом, то такое поведение расценивается как нанесение вреда субъекту чести, т.е. бесчестие; 2) оскорбление словом или действием основано не на поведении субъекта чести, а на том, что с ним случается, «зависит от того, что говорит или делает кто-либо другой». Этим, по мнению Шопенгауэра, люди недостойные ставятся наравне с оскорбленными, и оскорбление должно быть «заглажено кровью» путем поединка. Шопенгауэр расценивает этот обычай как суеверие, так как «всякий, кто за упрек во лжи грозит покарать смертью, должен бы быть человеком, никогда не лгавшим в своей жизни»; 3) честь человека не имеет ничего общего с его моральным обликом, поэтому она восстанавливается неморальным спосо-

бом – дуэлью, либо «авантажем», т.е. проявлением еще большей грубости к обидчику, чем он сам это позволил; 4) быть оскорбленным бесчестно, а оскорбить – согласуется с принципом чести: «Ибо грубость побеждает всякий аргумент и затмевает всякий ум: если только потому противник не схватится с нами и не ответит нам еще большей грубостью, вовлекая нас этим в благородное состязание авантажа, то мы останемся победителями, и честь окажется на нашей стороне, - истина, знание, рассудок, ум, остроумие должны убраться прочь...» [4,с.543]; 5) единственное, что может отстоять честь – это физическая сила, то есть животное начало, что позволило Шопенгауэру называть рыцарскую честь кулачной; 6) из кодекса чести вытекает вынужденное нарушение гражданской чести, т.к. «только одно слово не должно быть нарушаемо, - честное, т.е. слово, при котором было сказано: «клянусь честью»! - откуда получается презумпция, что всякое другое слово можно нарушить». Эти шесть признаков кодекса рыцарской чести позволили Шопенгауэру квалифицировать это понятие как утилитарный принцип, в основе своей имеющий «принцип пользы».

Рассмотренная выше трактовка чести относится к сословно-общественной ее детерминации и

имеет лишь ограниченную универсуализуемость в рамках отдельного исторического общества и в отдельном сословии. В античности примером сходного понимания чести является сословная честь в «Государстве» Платона. Она регламентирует образ жизни и поведения сословия правителей (философов) и сословия стражей, которые здесь можно квалифицировать как сословия чести.

Кантовская философия культуры связала во второй формулировке категорического императива («Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству») категорию чести с понятием индивидуального достоинства каждого человека и человечества в целом, фактически провозгласив тезис о преодолении сословного ее понимания.

В русской революционной философии культуры (марксизм, Нечаев, Бакунин, Троцкий) сословная честь принимает форму классово-сословного статуса, в связи с чем разрабатывается кодекс чести революционера, основанный на самоотверженном служении делу революции. Это низводит человека до уровня средства, а не самоцели: понятие чести становится надсубъективным, гетерономным, принад-

лежащим той или иной общественной организации в целом, но не отдельному лицу.

Гуманистические трактовки чести в современной западной культурфилософии (Фромм, Роулс) интерпретируют ее как сугубо автономное понятие: каждый имеет право на равное достоинство и равные возможности в соответствии с теми безусловно различными индивидуальными дарованиями и общественным статусом, которые обусловлены как возможностями человеческой природы, так и накопленными богатствами. При этом путь вверх социальной иерархии открыт каждому и обуславливает социально-сословную детерминацию чести. Таким образом, современная гуманистическая интерпретация чести в наши дни гармонически сочетает индивидуальную и сословную детерминацию этого сложного понятия.

Постмодернистская культурфилософская традиция (Деррида, Делез, Лиотар, Глюксман, Леви) считает категорию чести отражением «дискурса Властителя»- [8, с.752], который должен быть подвергнут деконструкции. Вместо категории чести здесь рассматривается понятие солидарности, призванное преодолеть ограниченное представление о любой сословности, которая имеется в современной истории социума.

В итоге, культурфилософский аспект понимания чести в наши дни редуцируется к философски-генеалогическому, в духе М. Фуко [9].

С христианской точки зрения неправомерно ставить вопрос о ценности индивидуальной жизни, потому что человеку не дано знать самого себя. Даже, если человеку кажется, что его жизнь не имеет никакой ценности, то эта оценка не соответствует действительной цен-

ности его жизни, которая находится в руках у Бога. Поэтому, с христианской точки зрения допустимо говорить о ценности жизни как таковой, но, ни в коем случае не в отношении индивидуальной жизни, которая остается тайной для отдельного человека. В этой постановке проблемы категория чести переходит на уровень трансцендентных ценностей.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Об оппозиции «честь» - «слава» в светских текстах Киевского периода. // Ученые записки Тартусского государственного университета, вып. 198. Труды по знаковым системам, чIII. Тарту, 1967. –С.110.
2. Осовская М. Рыцарь и буржуа: исследование по истории морали: Пер. с польск. / Общ. Ред. А.А. Гусейнова. – М. Прогресс, 1987. - С.87.
3. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1986. – С.255.
4. Дружинин В.И. Честь. // Этика. Энциклопедический словарь. / Под ред. Р.Г. Апресяна и А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2001. -С.542.
5. Титаренко И.А. Структуры нравственного сознания. Опыт этико-философского исследования. М.: Мысль, 1974. –С.81.
6. См. Ницше Ф. К генеалогии морали. Полемическое сочинение. Рассмотрение третье. Что означает аскетический идеал? // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1990. с. 472-524; Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1990. с. 361-405; Ницше Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом. Проблема Сократа. // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1990. - С.563-567.
7. См. Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. // Шопенгауэр А. Избранные произведения. М.: Просвещение, 1992. –С.234-268.

8. Делюмо Ж. Грех и страх: Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII— XVIII вв.) / Пер. с франц. И. Б. Иткина, Е. Э. Ляминой, Е. И. Лебедевой, А. Г. Пазельской под ред. Д. Э. Харитоновича. — Екатеринбург: Изд.-во Урал, ун-та, 2003. — С.752.
9. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. — М., 1977. — С.408.

References

1. Lotman Yu. M. Ob oppozitsii "chest" — "slava" v svetskikh tekstakh Kievskogo perioda. // Uchyonye zapiski Tartusskogo universiteta, vyip. 198. Trudyi po znakovym sistemam, ch. III. Tartu, 1967. — S. 110.
2. Ossovskaya M. Ryitariburzhu: issledovanie po istorii morali: Per. s polsk. / Obsch. red. A. A. Guseinova. — M.: Progress, 1987. — S. 87.
3. Granovskiy T. N. Lektzii po istorii srednevekovia. M.: Nauka, 1986. — S. 255.
4. Druzhinin V. I. Chest // Etika. Entziklopedicheskii slovar // Pod. red. R. G. Apresyanai A. A. Guseinova. — M.: Gardariki, 2001. — S. 542.
5. Titarenko I. A. Strukturyi nra vstvennogo soznaniya. Opyitiko- issledovaniya. M.: Myisl, 1974. — S. 81.
6. Sm. Nitsche F. K genealogii morali. Polemicheskoe sochineniye. Rassmotreniye tret'ye. Chto oznachaet asketicheskii ideal? // Nitsche F. Sochineniya v 2 t. M.: Myisl, 1990. S. 472-524; Nitsche F. Po tustoronu dobra izla. Prelyudiya k filiofi budushego. // Nitsche F. Sochineniya v 2 t. M.: Myisl, 1990. S. 361-405; Nitsche F. Sumerki idolov, ilikak filiof stvuyut molotom. Problema Sokrata. // Nitsche F. Sochineniya v 2 t. M.: Myisl, 1990. S. 563-567.
7. Sm. Shopengauer A. Aforizmy izhiteiskoi mudrosti. // Shopengauer A. Izbrannyye proizvedeniya. M.: Prosvesheniye, 1992. — S. 234-268.
8. Delumo Zh. Greh i strah. Formirovaniye chuvstvavinyi v civilizatsii Zapada (XIII— XVIII vv.) / Per. s frantz. I. B. Itkina, Ye. E. Lyaminoi, Ye. I. Lebedevoi, A. G. Pazelskoi. Pod red. D. E. Haritonovitcha. — Yekaterinburg: Izd.-vo Ural. un-ta, 2003. — S. 752.
9. Fuko M. Slova i veschi. Arheologiya gumanitarnykh nauk. — M., 1977. — S. 408.